

ДЕЛЕГАТЫ

Закончив последний урок в своем классе, Маруся торопливо оделась и почти бегом направилась к выходу. Хмурый ноябрьский день встретил ее плотной стеной снега. Наконец-то после долгой ненастной осени наступала зима. По узкой тропинке через заснеженный парк Маруся вышла к площади. Большая, даже по меркам города, площадь райцентра была заполнена повозками всех мастей: ходками, пестерьками¹, телегами, санями, кошевками, розвальнями; у некоторых коновязей стояли лошади под седлами. Над площадью, окутанной белесой пеленой из снега и пара от лошадей, стоял крепкий конский дух.

Около районного клуба было необычно многолюдно для рабочего дня, на высоком крыльце толпились празднично одетые

¹ Пестерь, пестерёк — легкая повозка с коробом из ивовой лозы, прикрепленным к саням или колесной раме.

люди. Среди них Маруся узнала и своего директора школы. На фронте клуба ветер трепал кумачовый транспарант: «Привет делегатам районной партийной конференции!».

Маруся прибавила шагу, надо было поторапливаться: вечером после партконференции Поликарп, ее муж, обещал зайти с друзьями, посидеть за накрытым столом. Вот только незадача — чем бы его накрыть-то, тот стол?! Конечно, как хозяйка Маруся была еще не очень-то опытна, чего они с Поликарпом прожили — три месяца до войны да полгода, как Поликарп вернулся по ранению с фронта, но понимала: надо было расстараться, порадовать мужиков. Когда им еще вместе опять доведется посидеть, поговорить, поделиться последними новостями.

Маруся зашла в раймаг, посмотрела на полупустые полки. Карточки на масло, рыбу, мясо, как всегда, не отоваривались. Взяла хлеб, сахар, немного муки — пригодится на луковую поджарку — и заторопилась к дому, благо, что квартира, которую они снимали с Поликарпом, находилась тут же, рядом с площадью.

Поликарп говорил, что будет четверо, считая его. Тимку, то есть Тимофея Скворцова, давнего, еще довоенного друга мужа, Маруся хорошо знала с той поры, когда до войны Поликарп работал в МТС заместителем директора по расчетам, а Тимофей был там счетоводом. Вместе с его Дусей, подружкой и тоже молоденькой учительницей, они провожали своих мужей в июле 41-го на фронт. Вместе учительствовали, бедовали и ждали, ждали, ждали... И дождались, израненных, покалеченных, но, слава богу, живых — своих ненаглядных мужиков. На фронте Тимке досталось лиха. Поликарп рассказывал, что под Москвой Тимофей командовал расчетом сорокапятки, был тяжело ранен, но выжил, вернулся в строй, потом, в 44-м, опять ранен и по инвалидности, как и Поликарп, списан вчистую. И это в двадцать пять-то лет!

Маруся привычно затопила камелек, захлопотала у стола в передней комнате, служившей им и кухней. Взгляд скользнул по фотографиям, висевшим на стене: ее портрет с красивой прической, в новом нарядном платье с полосатым морским галстучком на груди. Рядом портрет Поликарпа в парадном кителе с капитанскими погонами и наградами. Правда, кителя у Поликарпа не было, пришел с фронта он в гимнастерке и с двумя шинелями:

одна, серая, из грубого солдатского сукна, была вся посечена осколками, вторая — офицерская, табачно-рыжего цвета, тонкого английского лендлизовского сукна. Сейчас Поликарп в ней на работу ходит, очень красивая вещь! А китель, что китель — фотограф по просьбе Маруси его просто подрисовал, а вот погоны и ордена были настоящими.

Она вспомнила, как первый раз увидела своего Поликарпа пять лет назад, еще до войны. Он, выпрямившись во весь рост на санях и ловко управляя резвой лошастью, лихо мчался по деревенской улице мимо школы, где она с учительницами стояла после уроков. Товарки тогда зашептались: да, мол, это ТОТ, который герой. Сначала она не придавала значения этим словам, но когда ТОТ парень — Поликарп — в который раз подряд стал встречаться ей на деревенской улице, стало ясно, что это не случайность. Поликарп только что вернулся из армии, и о нем писали и районная, и краевая газеты. Писали, что воевал с японцами на Хасане, что совершил там подвиг, что получил главный военный орден из рук самого товарища Горкина².

Поликарп и сам потом признавался Марусе, что сразу, еще у школы, заметил необычный цвет ее волос. Это правда, еще ученицей за яркие темно-рыжие волосы ее звали Каштанкой, а тут и Поликарп ее отметил...

Немного подумав, Маруся решила накрывать в комнате. На стол она набросила белую праздничную скатерку, поставила квашеную капусту с лучком, сдобренную растительным маслом, соленые огурцы, помидоры, порезала хлеб, мороженое сало, соленые грибы (мама привезла из Большой Рощи), скоро подспеет картошка. Разложила разномастные ложки, под водочку мужчинам поставила стакан, армейскую кружку Поликарпа и две небольшие стеклянные баночки — другой посуды в их немудреном хозяйстве пока не было. Да и где взять, в скобяном магазине всю войну, кроме хомутов, сбруй да топоров, ничего для дома, для хозяйства и в помине не было.

² Александр Федорович Горкин — в 1937 г. секретарь Президиума ЦИК, в 1938–1953 гг., 1956–1957 гг. — секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

Будет за столом и новый друг Поликарпа — заведующий райфинотделом Иван Иванович. Он недавно демобилизовался и приехал к своей, как тогда говорили, «заочнице» Ольге, кассиру районной сберкассы и Марусиной подруге. Познакомились они заочно через письма, которые девчата писали бойцам на фронт. Вот отважный сержант-разведчик с двумя орденами Славы и застал на статную красавицу Ольгу, не стал возвращаться к себе в Таврию, а после демобилизации махнул сразу на Алтай, в Бобриху. А уже через две недели Оля Швецова стала Ольгой с простой фамилией Тугайбей.

Все бы хорошо, но куда гостей рассаживать? Две табуретки да плетеный из ивовых прутьев стул, подарок крестного дяди Никанора — вот и вся мебель в доме. Маруся, накрывшись платком, метнулась к хозяйке дома, что жила за стеной.

— Домна Петровна, выручайте, гостей не на что посадить, табуретку бы мне, а лучше скамейку.

Пристроив небольшую скамейку, Маруся оглядела праздничный стол. Эх, сейчас бы сюда баранинки с картошкой, да вот беда, две недели назад их поголовье (всего-то три овцы) зарезал волк, пробравшийся ночью прямо к центру села. «Ну да ничего, сейчас подойдет картошка, лучок с мукой прожарю, мужчинам понравится».

Надевая праздничное платье с матросским галстучком, Маруся с улыбкой вспоминала, как внезапно началась ее семейная жизнь. Они с Поликарпом ведь толком-то и не встречались: несколько раз он проводил ее из школы до дома, где она снимала комнату после окончания педучилища, пару раз сходили в клуб — кино вместе посмотрели. Да однажды, в редкий свободный от работы день, Поликарп свозил ее в райцентр. Жакетки плюшевые в раймаге продавали, вот она и упростила его... А о женитьбе и речь не заходила, да какая из нее невеста, в семнадцать-то лет? Но вышло иначе. Как-то по весне поздно вечером она вернулась после уроков домой и в толк не возьмет — комната вся голая. Дядя Коля Пальчиков, хозяин дома, ей и объясняет:

— Дык, днем еще твой Поликарп приехал на коню, говорит — поженился вы. Ну, мы с нем твое имущество-то на ходок погрузили, он к себе и поехал.

Пошла к Поликарпу разбираться. А чего уж там разбираться, если любила его — свету белого не видела!.. Да, история!

Про третьего гостя Маруся тоже много чего знала. Земляк мужа Василий Семенович Поликанов постарше его лет на шесть-десять. Он еще до войны в «Строителе социализма» председателем был, потом сельсовет там же возглавил, ну а дальше, как у всех, — война. Воевал в пехоте командиром пулеметного взвода, награжден орденом. Тоже по ранению вернулся с фронта, сейчас опять председательствует в «Имени Фрунзе».

Тяжело сейчас мужикам, планы сверху спускают такие, что, как ни рви жилы на работе, все равно не выполнишь. Во время уборочной Поликарп за всю осень только несколько раз дома ночевал, кочует со своей МТС по всему району. Людей не хватает, техники мало, которая есть — ломается от нагрузок, запчастей не достать! Весь почернел да курит еще без перерыва, вот ведь какую заразу с фронта привез.

Маруся с неодобрением посмотрела в угол, где на припечке стопкой лежали коробки «Беломорканала». Есть у них даже карточка, где Поликарп снят с папиросой в руке. А как дело было? Из Канска, там базировалась часть мужа, состав шел через Новосибирск, где его задержали на пару недель для формирования эшелона дивизии. Вот Поликарп и послал ей телеграмму на Алтай, чтобы приехала проводить его на фронт. Получила она телеграмму, кинулась к завучу: мол, посодействуйте перед директором, отпустите, дело-то вон какое! Завуч Евдокия Александровна ни в какую — уроки и так некому вести, да еще ты сбегашь. Маруся тогда пошла напрямую к директору: так и так, мужа надо проводить на фронт, для этого, самое малое, три дня отпуска прошу. Да где там, не отпустил!

Маруся догадывалась, что неспроста Евдокия так уперлась и директору нашептала — это ведь месть ее была! Подлая бабская месть за то, что Поликарп не ее выбрал, а Марусю. До Маруси встречался Поликарп короткое время с Евдокией, да видно, не легло к ней сердце. Но в чем ее-то вина? Отбила она Поликарпу телеграмму до востребования на станцию Новосибирск, что не сможет проводить. Получив телеграмму,

Поликарп (сам рассказывал) зашел тут же на вокзале в буфет, выпил с горя сто пятьдесят граммов и — в фотографию, чтобы ей карточку послать. Фотограф его с беломориной в руках и снял. Сидит он в форме, с португеей через плечо, перед ним пачка «Беломора», меж пальцев папироса, а глаза печальные-печальные... Наревелась же она тогда!

Ну да чего теперь об этом вспоминать! Поликарп вернулся к ней, явился нежданно-негаданно, получив отпуск после очередного тяжелого ранения. А когда подошел срок возвращаться в часть, военно-врачебная комиссия признала его черепную рану несовместимой со строевой службой. Дали инвалидность 2-й группы, и война для Поликарпа закончилась. Сейчас он опять воюет, уже в своей МТС.

Сняв кастрюлю с готовой картошкой с плиты, Маруся посмотрела через окно в сторону клуба. В честь большого партийного собрания на нескольких столбах вокруг площади повесили лампы, и сейчас они празднично сияли, отодвигая темноту зимнего вечера. На площади было заметно оживление. От коновязей ходко отъезжали сани и повозки, заполненные людьми.

Через несколько минут в сенях зазвучали голоса, и передняя наполнилась клубами холодного морозного воздуха: в комнату по одному входили гости, среди которых был кто-то незнакомый.

— Маруся, встречай гостей, — на правах старого друга Тимофей приобнял хозяйку, извлекая из рукавов белого полушубка две бутылки, запечатанные сургучом.

Иван протянул Марусе промасленный пахучий сверток, где по запаху угадывалась копченая селедка:

— Вот, держи, Маруся, только что сам в Касмале выловил!

Из вместительного кирзового портфеля Василий Семенович жестом фокусника извлек полкруга колбасы. Поликарп выложил на стол пакет с яблоками и кулек конфет «Пуншевые» в ярких обертках:

— Марусенька, в буфете чего только не было! Специально из крайпотребсоюза завезли людей порадовать. Но давали только на пятьдесят рублей в одни руки, что ж ты поделаешь, всего не купишь, столько народу...

Пока гости раздевались, по очереди подходили к рукомойнику, Маруся разбирала принесенные делегатами партконференции невиданные продукты, заполнившие комнату неизвестными ароматами. Даже не верилось, что все это великолепие может быть на столе в ее доме. Колбасу Маруся даже не видела никогда! А эти яркие, желто-красные пахучие яблоки! Где же живут такие счастливые люди, которые едят их каждый день? Вскоре накрытый хозяйкой стол на самом деле стал праздничным.

Поликарп подвел к Марусе полноватого мужчину, одетого в дорогой диагональный френч темно-синего цвета, такие же галфе и белые фетровые бурки. На груди блестела медаль с профилем вождя на медном кружке³.

— Вот, Мария, познакомься, Яков Борисович, уполномоченный из края.

— Малкин, очень приятно. Приехал поближе посмотреть, как ваша МТС работает на ремонте техники. Больно уж хвалят ее везде. А по батюшке как? — пожимая руку смутившейся Марусе, уточнил гость.

— Терентьевна, но можно и без отчества, я не обижусь. Яков Борисович, проходите к столу. Поликарп, приглашай гостей, хватит там сигарки смолить! Дым коромыслом в сеньях!

Мужчины, громко переговариваясь, входили в горницу, рассаживались за столом, неся за собой крепкий запах табака и свежий дух морозного вечера.

— Да, Маруся, стол у тебя сегодня прямо царский.

Тимофей отбил ножом сургуч с горлышка бутылки, сильно раскрутил ее и ловким ударом ладони выбил пробку. Так же скоро он разлил водку в стоящую перед гостями посуду.

— Ну, Тимофей! Настрополил ты в МТС бутылки открывать да разливать, — поддел его Василий Семенович. — Гляди, Поликарп Ильич, заберут его в край! Там такие специалисты тоже нужны, так, Яков Борисович?

³ Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (прим. автора).

Однако тот на шутку не откликнулся, он сидел с недовольным лицом, недоуменно посматривая на хозяйку. Незапланированный высокий гость сел на Марусино место за столом, и перед ним не оказалось ни стакана, ни кружки. Поликарп на правах хозяина попытался поправить неловкость:

— Яков Борисович, вот моя кружка, фронтовая память.

— Не надо, Поликарп Ильич, — набычился гость, — пусть сама хозяйка думает, раз не готовится встречать людей!

Маруся тем временем уже несла из передней комнаты небольшой латунный стаканчик.

— Яков Борисович, вы уж извините, просчиталась я! Вот, смотрите, какая красивая вещь, это для бритвы, подарок фронтовой Карпуше...

— Да, действительно, Яков Борисович, это мне генерал Гнедин, наш командир дивизии, подарил в сорок третьем. Как раз на 23 февраля, в День Красной Армии. Мне тогда как раз капитана присвоили.

— Ты, Поликарп, свои военные мемуары потом расскажешь. Ты что же думаешь, что я буду пить из твоей мыльницы? Хорошо же вы гостей встречаете! Вилки нет, даже стакана нормального не могли подать!

За столом установилась нехорошая тишина. Маруся сквозь наворачивающиеся слезы видела, как каменел широким татарским лицом Иван, как заходили желваки у верного друга Тимки Скворцова, как багровой краской налилось лицо Василия Семеновича. Поликарп молча сидел за столом, и ей было видно, как у него через тонкую розовую туго натянутую кожу на недавно заросшей ране на лбу часто бьется темная жилка.

— А где же мне их было взять, товарищ уполномоченный? Мой муж три года на ладожском льду мерз да в окопах под Ленинградом гнил, весь израненный вернулся, места живого нет... И здесь нам не до вилок да стаканов было! Одним жили — лишь бы победить. Слава богу, что выжили! Может быть, у таких, как вы, в тылу другие возможности были?

Прижав руки к лицу, Маруся выбежала из комнаты.

— Ты вот что, Яков, свою придурь нам тут не выказывай, — тяжело поднимаясь над столом, Василий Семенович блеснул

матовым золотом ордена Ленина. — Поликарп тебя как человека пригласил, а ты что тут вытворяешь? Мы-то не больно напугались, а перед хозяйкой извинись за свинство свое!

Не ожидая такого поворота событий, уполномоченный пытался что-то еще сказать, но тут вмешался Иван:

— Видишь ли, вилки ему не подали! Были бы мы на фронте — лично бы к стенке поставил, а там пусть бы трибунал разбирался!

Однако этого Маруся уже не слышала. Она стояла в темных холодных сенях, приходя в себя от нестерпимой боли несправедливых упреков.

Вышел Поликарп, накинул свою шинель ей на плечи, прижал к себе:

— Не слушай его, Маруся, забудь. Все наладится у нас, скоро начнется хорошая, новая жизнь.

Мимо них неслышно проскользнул к выходу высокий гость. Маруся вытерла слезы, постояла, молча прислушиваясь к себе, к тому, что с ней происходит. Да, сомнений нет, то, о чем она мечтала всю войну — сбывается. Надо готовиться к новой жизни...

ПОДОШВА. ОСТРОВ СЧАСТЬЯ

Очередь в воинскую кассу практически не продвигалась. Подполковник Мелёхин четверть часа стоял на том же кафельном квадрате вокзального пола, но следующий не приближался. Служивый народ потихоньку роптал в толчее очереди, однако продвижению к заветному окошку это никак не помогало. Капитан, стоявший впереди, вернувшись из разведки с головы колонны, безрадостно сообщил, что кассир оформляет билеты для команды армейских спортсменов. Попросив капитана учесть, что он в очереди, Мелёхин решил пройтись по вокзалу, заодно найти газетный киоск.

Мелёхин раньше никогда не был на Павелецком вокзале. Обычно до места отпуска они с женой летели самолетом — не так утомительно, да и экономия времени. По этой причине столичные

аэропорты он знал довольно хорошо. А тут обстоятельства сложились так, что из Барнаула до Москвы они добрались, как обычно, рейсом «Аэрофлота», а до Ставрополя и далее, до Минвод, придется телепаться поездом.

Сам того не заметив, Мелёхин стал с интересом рассматривать убранство помещений, потолки, лепнину, украшавшую центральный зал. Великолепие построенного, видимо, еще в прошлом веке вокзала, поражало своей продуманностью и изящностью.

Заметив в дальнем углу зала небольшую очередь к заветному окну с прессой, Мелёхин прибавил шагу. Женский голос из репродуктора равнодушно предупредил, что объявлена посадка на скорый поезд, следующий до Саратова. Добрая часть пассажиров, сидящих на диванах у колонн и стенок, озабоченно устремились к выходам на перрон.

Прямо перед Мелёхиным торопливо складывал газету полковник с черными петлицами на кителе. Что-то знакомое промелькнуло во всем его облике: крупная фигура, высокий рост, чуть заметная лопухость... Незнакомец, подхватив чемодан и большой дипломат, направился в сторону выхода, ведущего к перрону. Проходя мимо Мелёхина, напряженно смотревшего в его лицо, полковник встретился с ним взглядом. Улыбка от уха до уха сняла все вопросы. Офицер, оставив свою поклажу, обхватил Мелёхина за плечи:

— Володька! Дружище! Как ты здесь, откуда и куда?

Взволнованный нежданной встречей Мелёхин отвечал сумбурно:

— Юрка, дорогой! Какая встреча! В отпуске мы, вот, билеты выстаиваю на Минводы. А ты сам-то куда сейчас?

Полковник подхватил свои вещи, увлекая Мелёхина к выходу на перрон:

— Куда-куда? Домой, конечно, в Энгельс! В белокаменной неделю отвоевал. Если коротко, кой-какие вопросы по защите диссертации решал. А сейчас мой паровоз стоит под парами, ждет! Подожди, ты сказал, что в отпуск наострились? Ты не один, с семьей?

— С женой, конечно! Вон она, на карауле стоит при чемоданах.

— Немедля веди к Светке!

Почти бегом друзья направились в кассовый зал, где около кучи вещей несла свою службу жена Мелёхина.

Полковник с ходу размашисто заключил в объятия растерявшуюся женщину.

— Ну, ребята, какие же вы молодцы! Рад безмерно! Но! Секунды нет, надо свое место осваивать! Не дай бог, паровоз без меня уйдет. — Торопливо чиркнув что-то в записной книжке, он вырвал листок. — Вот мои телефоны, домашний и на кафедре. Володька, провожай! И не теряйтесь больше.

Пройдя вдоль вагона, в котором скрылся Юра, Мелёхин сквозь стекло увидел друга, тот раскладывал вещи. Заметив Мелёхина, тот опустил фрамугу окна.

— Володька! Чуть было не забыл — как там наша Подошва? Обязательно напиши!

С головы состава раздался короткий гудок. Поезд дрогнул, набирая ход...

Мелёхиным повезло: билеты в купейный вагон до Минвод были отвоены. Лежа на верхней полке, Мелёхин прокручивал события минувшего дня. Еще вчера все дела, что выпали на сегодня — трехчасовой перелет до Москвы, деловой визит в столице, вокзальная нервотрепка с билетами, — казались такими важными и непреложными, а сейчас это не имело для него никакого значения! Юрка!..

Каждое лето в жизни Володьки появлялся Юрка. Он приезжал вместе с родителями, чаще матерью, к своей бабушке Тасе, жившей напротив. Отец Юрки, Николай Алексеевич Мошков, а для него — дядя Коля, был военным, поэтому служба не всегда позволяла навестить тещу вместе с семьей. Вначале гости приезжали из далекого города Харькова, где Юркин отец учился в военной академии. Мальцы подружились сразу: общих интересов нашлось уйма. Иногда Володьку забавляла речь его друга, в которой смешивались простые, понятные и какие-то незнакомые слова. По первости даже вопрос «Шо це воно таке?», а с него часто начинал разговор Юрка, загонял Володьку в тупик. Однако в течение лета они принаровились к речи друг друга, и никакой переводчик им был уже не нужен.

Огород бабушки Таси выходил задом прямо на берег речки Касмалы, вытекающей из леса, в нее в пятидесяти метрах выше вливалась мелководная речушка Ребришка. На стрелке у слияния речек местная ребятня пропадала целыми днями. Очень занятно было окунуться в студеною желто-коричневую воду Касмалы, набравшей холод под сводами соснового бора, затем перебежать несколько метров и погрузиться в теплую мутную воду Ребришки и посидеть, похлопать в ней до появления на коже черной сыпи грязи.

Для деревенских пацанов огороды всегда являлись военными полигонами, где, несмотря на погоду и время года, шли постоянные боевые действия. У бабушки Таси конец огорода, где буйно рос конский щавель, был отделен неглубоким рвом. По сути, этот кусочек земли являлся небольшим островком. Как-то в разговоре Юрка и предложил назвать этот остров Подошвой. И действительно, глядя не него сверху, можно было представить, что какой-то великан случайно оставил здесь подошву огромного башмака. Здесь, на Подошве, друзья смастерили себе схрон из фанеры, картона и подобного стойматериала и назвали его штабом. С приездом Юрки на Подошву возвращалась жизнь, начиналась очередная реконструкция и благоустройство штаба. Здесь было все, что необходимо для суровой мужской военной жизни. Деревянный ящик служил столом, несколько чурок заменяли стулья, а на одной из стенок висела карта мира, которую Володька приносил из домашней кладовки.

Здесь же, в штабе, соседский пацан Толян учил их курить. Сорвав несколько сухих подсолнечных листьев, он перетер их в ладонях и умело завернул коричневый порошок в кусочек газеты. Получилась вполне настоящая самокрутка. Первая проба пацанам не понравилась. Прикольным было лишь то, что дым изо рта после затяжки шел струей, совсем как у взрослых мужиков.

Про Толяна на улице шла нехорошая молва. Правда или нет, но говорили, что он подворовывает: иной раз у соседей пропадали со двора вещи, хозяйки недосчитывались яиц в гнездах своих несушек. Грешили на Толяна. А малышню своей улицы Толян обложил данью. Каждый из них должен был в течение дня принести Толяну десять чинариков — окурков папирос или сигарет. В число данников попали и Володька с Юркой. Выдав каждому

мальцу брезентовую рукавицу-верхонку, куда они должны были прятать свою добычу, Толян, по обыкновению, поджидал их в парке. Среди развалин старой церковной постройки за одним из кирпичей у него был оборудован тайник для хранения окурков. Вот там во время одной из передач оброчного пая Толяну их застал Юркин отец.

— Ну, что, много добра насобирали? — над сборщиками табачных изделий нависла тень дяди Коли, а ухо Толяна скрылось в мощной руке Юркиного отца.

— Еще раз увижу тебя рядом с этими ребятами, пеняй на себя! Толик, ты меня понял?

Проводив таким манером хозяина табачного богатства из подвала наверх, дядя Коля пошел по своим делам. Оброчное ярмо с друзей было снято навсегда.

Грозные события, что происходили в мире, лишь далеким эхом отзывались в степном алтайском селе. В один из приездов дядя Коля прибыл очень загорелым, как будто долгое время отдыхал под южным солнцем. Ответ дал Юрка, когда подарил другу значок из дюралья, с изображением американского самолета с числом 400. Он пояснил, что значок сделан из металла американского самолета, сбитого в небе Северного Вьетнама, где в секретной командировке более года находился его отец.

Вскоре после приезда Юрка принес в штаб несколько высушенных рыбин.

— Вот, угощайся, вобла называется. У нас на Волге ее навалом.

Поначалу вобла Володьке не понравилась. Да и как могла понравиться совершенно высушенная, твердая соленая рыба, что и на зуб-то невозможно взять?! Но если первая рыбина была съедена с трудом, то вторая, а за ней и следующая уничтожены друзьями без лишних слов. Затем дело пошло веселее, и вскоре только ворох рыбьей чешуи и костей, что остались от волжского деликатеса в углу штаба, напоминал о гостинце с великой русской реки.

Этим же вечером дядя Коля, отстояв очередь в буфете чайной, принес к ужину трехлитровую банку пива. Устроив ее на небольшом столике в палисаднике, дядя Коля послал ребят

за Володькиным отцом, с которым они дружили с тех пор, как этот дом стал для него родным. Двум офицерам — одному из них, прошедшему две войны и не раз нюхавшему порошу на передовой, другому, только что вернувшемуся с дальних рубежей защиты родной земли, — всегда было о чем поговорить. Бабушка Тася хлопотала около уличной печурки, готовя угощение любимому зятю. Дядя Коля вышел к гостю с растерянным лицом:

— Ничего не могу понять, Прокопий Ильич, — обратился он к другу, — хотел тебя пивком с воблой побаловать, ни одного хвоста не могу найти! Целый баул специально вез! Пацаны, ваша работа?

Вопрос повис в воздухе. Осмотрительные друзья, зная суровую правду жизни и предвидя развитие событий, уже мотали через картофельные кусты напрямик к спасительной Подошве...

Не раз еще Подошва укрывала друзей от праведного, а чаще — напускного родительского гнева, на Подошве делились они мальчишескими тайнами и жизненными планами. Там же Володька поделился со своим другом секретом, что уже целое лето он влюблен в Светку, девочку, живущую совсем даже не на их улице, а за рекой...

Когда же в последний раз они с Юркой виделись? Так... Это было лет пятнадцать назад. С женой и трехлетним сыном они несколько дней гостили у родителей перед отъездом в санаторий. С утра Мелёхин получил задание от жены зарядить баню к вечернему моциону, следующим днем они должны были вылететь в Москву. В огороде около бани, с полными ведрами воды он столкнулся с невестой откуда взявшимся Юркой. Тот был не один, с женой. В оставшуюся от отпуска неделю он решил навестить свою далекую родню, в надежде на встречу с другом зашел и к соседям. К тому времени Юрка, как и в свое время его отец, окончил зенитно-ракетное училище и военную академию ПВО. Юрка рассказал, что именно в тот год он назначен преподавателем военно-училища в Энгельсе.

Остаток дня до позднего вечера они с женами провели на Подошве, где мало что напоминало об их боевом прошлом. В буйных зарослях конского щавеля они пили грузинский самтрестовский коньяк, что прихватил с собой Юрка, закусывали зелеными

перышками лука и огурцами, снятыми тут же с грядки, вспомнили детские подвиги. Это были часы настоящего счастья.

С хохотом вспомнился эпизод из далекого прошлого. Уже достаточно взрослыми — подростками, собрав уличную мелюзгу, они организовали на Подошве круговую оборону от «наступающего противника». Соседский парнишка Серёга, сын работника узла связи, и сам неплохо соображавший в технике, протянул настоящую телефонную — а главное, работающую! — линию от штаба до «передовой», откуда шли доклады об уничтоженных врагах и подбитых танках. В штабе они с Юркой раскрашивали бумажные награды, вырезанные из орденоносных газет, раздавая их направо и налево отважным бойцам. Костя, малой брат Володьки, услышав, что очередной герой подбил пять танков и получил за это орден, торопливо выскочил из штаба. Вскоре послышалась его команда невидимым канонирам, поданная истошным голосом:

— Затаскавай пушку! — И через несколько секунд последовала новая команда: — Пушка, стреляй!!!

Малой немедленно возник перед командирами и тут же заявил, что он подбил десять танков «и то, не хвалится!». Пришлось выдать отличившемуся бойцу медаль «За отвагу», герой заблаговременно нарисовал ее сам. Правда, буква «У» на его награде в строчку не поместилась, и он пристроил ее отдельно, на обратной стороне медали.

Здесь же они рассказали своим женам о серьезном фиаско на культурном фронте, его переживали тут же, на Подошве. Тогда они с Юркой еще не достигли поры, когда можно смело покупать билеты на фильмы с припиской: «Дети до 16 лет не допускаются». Каким-то образом, обманув бдительную билетершу тетю Наташу, они проникли на нашумевший фильм «Сладкая жизнь» итальянского гения кино Феллини. Друзья не успели опомниться от радости, что им это удалось, и прочитать в титрах, что в ленте снимается знаменитый Марчелло Матростройни, как вдруг их попросила к выходу все та же билетерша. Разгадка ждала их в фойе кинотеатра в лице строгой Володькиной матушки, узнавшей об их культпоходе на взрослый фильм от того же малого Кости. Ее родительский и педагогический долг заставил пресечь

преступный замысел недорослей. Остаток дня они провели на Подошве, переживая свою неудачу.

Мелёхин пристально вглядывался через зеркало вагонного окна в темноту, где вслед за поездом спешила к рассвету по-южному непроглядная ночь. Что хотел он увидеть там, в безбрежной ночной дали? Тот маленький островок, подаривший им столько счастья, научивший дружить и мечтать? И что ответить Юрке? Как сказать ему, что огород бабушки Таси давным-давно зарос ивняком и бурьяном, а их Подошвы нет и в помине. Она бесследно и безвозвратно скрылась под желто-черными водами Касмалы...

Колеса поезда методично отстукивали километры своей монотонной песни дорог, вагон в такт покачивался, унося Володьку все дальше и дальше от чудесного острова детства.